

Шишимора и его «родственники»

В лексикологических исследованиях иногда встречается утверждение, что разговорно-бытовое слово *кикимора* и областное *шишимора* в смысловом отношении одно и то же, что второе возникло из первого. Так, в статье Т. Н. Семеновой в сборнике «Вопросы теории и методики изучения русского языка» (Чебоксары, 1962) читаем: «*шишимора* (из *кикимора*)».

Такой взгляд сложился, по-видимому, не без влияния толкований этих слов в наиболее известных и авторитетных словарях русского языка. В Толковом словаре В. И. Даля приведено следующее объяснение; «*Шишимора* муж., восточное *кикимора*». Такое же отождествление слов (по стандартной формуле «*шишимора* — 1) то же, что *кикимора*») мы находим в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка».

Магическая сила этих определений вызвала смещение двух планов — семантического и этимологического. Толкование значения слова путем равноценной замены было воспринято как указание на его происхождение. Неменьшую роль играло здесь и сходство разбираемых слов по составу: в обоих есть общая часть *-мора*, которая и определяет их смысловую близость.

По единодушному мнению этимологов, элемент *-мора* имеет общеславянское происхождение. По своему значению и происхождению он связан в основном с суеверными представлениями людей: старославянское *мора* 'ведьма', украинское *мора* 'нечистый дух', сербскохорватское *мдра*

‘домовой’, ‘кошмар’, болгарское *морá*, *морава* ‘ночной кошмар’, чешское *mřga* ‘кикимора’, ‘кошмар’, ‘ночная бабочка’, словенское *mřga* ‘ночной кошмар’, польское *moга*, *zmoга* ‘кошмар’ и т. п. У этого слова есть соответствия и в других индоевропейских языках: древнеанглийское и древневерхненемецкое *maга* ‘кошмар’, ‘привидение’, древнесеверогерманское *maга* ‘домовой’, ‘злой дух, мучающий во сне’, нижненемецкое *maht* ‘домовой’, ирландское *moг-gáin* ‘королева духов’.

Труднее объяснить происхождение первой части упомянутых слов. Ни *кики-*, ни *шиши-*, в этимологических разысканиях до сих пор не получили удовлетворительного освещения. Наиболее вероятно предположение, что *шиши-* в сложном слове *шишимора* непосредственно связано с северновеликорусским *шиш*: «1) домовый, бес, нечистый дух, черт; 2) пустой человек, шатун, бродяга, шеромыга; 3) вор» (определения приведены из «Опыта областного великорусского словаря»).

Даль предполагал, что *шишимора* происходит от *шиш* и *мара*, *морока*. По свидетельству его Толкового словаря, *шиш* в севернорусских говорах было довольно широко распространено и выступало в виде словообразовательных вариантов: «*Шиш*, или *шишига*, *шишиган*, нечистый, сатана, бес; злой кикимора или домовый, нечистая сила, которого обычно поселяют в овине; овиный домовый. *Шишига свадьбу играет*, чертова свадьба, вихрем пыль по дороге подняло столбом. *Шишига его смугил*. *Шиши его знают!* черти. *Хмельные шиши*, опойная горячка, когда грезятся чертенята. *Шишига*, вятское *шиш*, праздный шалопаи». Из севернорусских диалектов слово это проникло в некоторые финно-угорские языки и их наречия. В коми-зырянских диалектах *шыш* значит ‘черт, леший’ и ‘бродяга, праздношатающийся’.

В лексике других славянских языков и диалектов слово *шиш* отсутствует. Оно встречается лишь в некоторых польских письменных памятниках XVII века, но совершенно в ином значении: ‘партизан, представитель русской вольницы, действовавшей против интервентов под Москвой в начале XVII века’. У М. Н. Загоскина в романе «Юрий Милославский» к слову *шиши* дано следующее примечание: «Так называли поляки буйные толпы не подчиненных никакому порядку русских партизанов или охотников, которых можно уподобить испанским гверильясам». Интересна также запись в дневнике Сапеги 1610

года: «Вышли шиши из Москвы, громя наших на дорогах» (с примечанием: «Шишами в ту пору звали в Москве партизанские охотничьи отряды»).

В результате «обратного заимствования» слово это начиная с XVII века приобретает более широкое распространение в памятниках русской письменности в новом значении — ‘вор, грабитель, разбойник, головорез’, а с 30-х годов к ним добавляется еще одно, ранее не известное — ‘шпион, лазутчик, соглядатай’. Нетрудно заметить, что отрицательная экспрессивная окраска почти постоянно сопровождает это слово, независимо от сферы его употребления — в областных говорах или в памятниках письменности.

Несколько иной путь проделало существительное *шишимора* — слово чисто русского происхождения. В областных говорах основное значение его — «домовой дух, занимающийся прядением, по суеверию народному. *Нижегородское*» (Опыт областного великорусского словаря). Оно было отчасти синонимично разговорному *кикимора* в его первичном значении — ‘нечистая сила, ведьма, злой дух’. В переносном употреблении оно применялось к людям, чаще в отрицательном смысле. По данным «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему (1858), им обозначались: «1) Прилежный, деловой, работающий человек. *Вятское*. 2) Скупец. 3) Голяк. *Псковское*. *Тверское*».

Кроме такой пестроты значений, в говорах отмечены разные родовые формы этого слова. В тех же словарях: *шишимор* (муж. рода) — «1) Шинкар, обманщик, плут. *Курское*. 2) Привидение в виде белого старика. *Саратовское* и *шишиморка* (жен. рода) — 1) Женщина, промышленяющая обманом. 2) Занимающаяся выведыванием и передачей сплетней. *Курское*». Основной, наиболее распространенный вариант *шишимора* стал употребляться в разговорно-бытовой речи как существительное общего рода.

В современном русском языке слово *шишимора*, развивая новые значения, которые становятся более широко известными, выходит за рамки отдельных говоров. Уже в академическом Словаре 1847 года с пометой «простонародное речение» оно приведено в двух основных значениях: ‘мошенник, промышленяющий воровством и обманом’ и ‘фискал, подслушивальщик, подсмотрщик’.

В разговорно-бытовой речи последующих лет и в наше время слова *шишига* и *шишимора* употребляются пре-

имущественно в бранном смысле: «Поди же, вчера на службу поступил, а сегодня — барышню поглядеть давай ему!.. Ах ты, шишимора!» (Погосский. Майорская дочка); «И что за разбойник! Так, воришка, шишимора!» (Загошкин. Кузьма Рощин); «Не ори ты, шишига!» (Гладков. Энергия); «В леса к себе хочешь его заманить, лесная шишига!» (Злобин. Степан Разин).

И. Т. СЕРГЕЕВ
Чебоксары

В о р

История слова *вор* необыкновенно сложна, запутана и вместе с тем интересна. *Вор* и производные от него *воровать*, *воровской*, *воровство* и др., появившиеся в памятниках письменности только в XVI веке, в период так называемого Смутного времени становятся вдруг необычайно активными словами. В слове *вор* на первый план выдвигаются значения ‘смутьян’, ‘бунтовщик’, ‘изменник’ и ‘самозванец’. *Воровством* именуется в то время ‘измена’, *воровать* означало ‘изменять’: «Комаричане мужики смутились и своровали, Государю изменили»; «Чтобы воры Государевы изменники Государеву делу порухи не учинили»; «Беляне посадские люди своровали, вору крестъ целовали и городъ сдали»; «А прежнего воровства их не было, с литовскими людьми не сходилися и нам то слух и ведамо есть» (примеры из книг: Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841—1842; Ю. В. Готье. Памятники обороны Смоленщины 1609—1611 гг., М., 1912).

Именно потому, что в Смутное время на первый план выступало значение ‘бунтовщик, изменник’, другие значения слова оказались как бы в тени. Вместе с тем уже в конце XVI, начале XVII века *вор* (как и его производ-